

А.А. Терещук

ИСПАНСКИЕ ПРАВЫЕ О РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются высказывания о революции 1917 г. в России и о советском государстве пяти крупных испанских мыслителей и общественно-политических деятелей второй половины 30-х годов XX в. (Р. де Маэсту, Х.А. Примо де Риверы, Х.М. Фонтаны, М. де Унамуну, П. Барохи). Объединяющим признаком всех изучаемых персоналий является их критика в адрес Испанской республики и нейтральное либо положительное отношение к «Национальному движению». Вышеупомянутые деятели негативно воспринимали российский революционный опыт и опасались развития аналогичного сценария в Испании. Анализ высказываний испанских правых о революции в России играет важную роль в изучении идеологии франкистского режима.*

***Ключевые слова:** гражданская война в Испании, испанская фаланга, Национальное движение, революция 1917 г., иностранцы о России.*

Терещук Андрей Андреевич – PhD, ведущий специалист,
управление по связям с общественностью,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург. E-mail: san_petersburgo@inbox.ru

A.A. Tereshchuk. The Spanish Right about the Revolution in Russia

***Abstract.** The article analyzes opinions of five prominent Spanish political and intellectual leaders (R. de Maeztu, J.A. Primo de Rivera, J.M. Fontana, M. de Unamuno, P. Baroja) about the Russian revolution of 1917 and the Soviet state. What was common for them all was their negative attitude towards the Spanish Republic and neutral or positive stance towards the National Movement. The aforementioned thinkers criticized the Russian revolution and were afraid of a possible development of a similar situation in Spain. The study of the opinions of the partisans of the political right in Spain about the revolution in Russia plays an important role in describing the ideology of F. Franco's regime.*

***Keywords:** Spanish Civil War, Spanish Falange, National Movement, revolution of 1917, foreigners about Russia.*

Tereshchuk Andrei Andreevich – PhD, leading specialist,
Department of Public Relations, Herzen State Pedagogical University
of Russia, Saint-Petersburg. E-mail: san_petersburgo@inbox.ru

Вступление

Гражданская война в Испании 1936–1939 гг. стала конфликтом, приковавшим к себе внимание всего мира. Раскол испанского общества на две части привел к непримиримой борьбе идеологических противников. На одной стороне оказались приверженцы правительства «Народного фронта», условно называемые «республиканцами»; на другой – противники республиканского режима, которые обычно именуются «националистами» или «франкистами» (по имени Ф. Франко, одного из лидеров восстания против республики в 1936 г.). Линии разделения между враждующими сторонами проходили по многим вопросам устройства общественно-политической жизни. Противники исповедовали разные взгляды на вопрос единства страны (франкисты не допускали возможности разделения Испании, а республиканцы благосклонно смотрели на сепаратистские движения в регионах), на религию (постоянное апеллирование к традиционным христианским ценностям у националистов и резкий антиклерикализм республиканцев, принимавший зачастую формы террора¹), на государственное устройство Испании (монархия или военная диктатура как идеал франкистов и многочисленные проекты социалистического общества у республиканцев) и др. Одним из важных вопросов, мнения о котором у противоборствующих сторон расходились, было отношение к революции в России в 1917 г. и к советскому режиму.

Для республиканцев, среди которых преобладали сторонники левых взглядов, революция в России была примером для подражания. Именно поэтому в республиканской пропаганде часто используется термин «революция» («revolució») применительно к переменам в испанском обществе после победы «Народного фронта» на выборах в феврале 1936 г. [3]. Оценки республиканцами дальнейшего развития советского государства могли различаться: Коммунистическая партия Испании (РСЕ) поддерживала курс руководства СССР в середине 30-х годов, Рабочая партия марксистского единства (POUM) придерживалась взглядов троцкистской ориентации и критиковала политику И.В. Сталина, Национальная федерация труда (CNT) была не согласна с ролью, которое играло государство в СССР, и т.д. Тем не менее помощь, оказываемая Советским Союзом республике, способствовала росту симпатий к СССР. Показательным является тот факт, что в Мадриде во время

1. За исключением территорий республики, контролировавшихся Баскской националистической партией (PNV).

гражданской войны тост «Да здравствуют русские!» был одним из самых популярных [8, p. 328].

Франкисты, соответственно, негативно оценивали революционные события в России и советский режим. Для националистов происходящее в Испанской республике было отражением 1917 г. в России. Активное вмешательство СССР в войну 1936–1939 гг. вызывало чувство неприятия у франкистов и способствовало появлению русофобских настроений. Рядовые участники «Национального движения» часто воспринимали любого русского как коммуниста. Вследствие этого русские белые эмигранты, которые отправились добровольцами в армию генерала Франко, в некоторых ситуациях сталкивались с настороженным и подозрительным отношением со стороны испанцев. Например, Г.П. Ламсдорф после перехода франко-испанской границы был арестован франкистами как предполагаемый советский шпион; около месяца ему пришлось провести в тюрьме. Восприятие русских как коммунистов или людей потенциально сочувствующих левой идеологии было обусловлено франкистской пропагандой, часто использовавшей образ русского как врага.

Изучение отношения испанских националистов к революции 1917 г. значимо с нескольких точек зрения. С одной стороны, любое свидетельство зарубежных политиков, мыслителей или общественных деятелей о революции в России помогает понять характер политических и социальных процессов в нашей стране в 1917 г. и в 20-е годы XX в. Многие высказывания испанских националистов на эти темы являются субъективными и основаны на слабом знании реалий жизни в СССР; тем не менее любое оригинальное суждение может позволить взглянуть на революционные события с нового ракурса. С другой стороны, изучение восприятия испанскими правыми революции в России важно для понимания мотивации солдат и офицеров, которые в 1941 г. отправились воевать в СССР в составе 250-й дивизии испанских добровольцев, известной как «голубая» или «синяя» дивизия (исп. *División Azul*, нем. *Blaue Division*). Можно допустить, что некоторые из 18 тыс. испанцев в составе этого формирования вынуждены были вступить в него принудительно, однако, как подчеркивает П. Моа, «подавляющее большинство из них были добровольцами» [11, p. 407]. Очевидно, что идеологическая составляющая (борьба против коммунизма) была далеко не единственным мотивом, побуждавшим испанских солдат и офицеров отправляться воевать в Россию, однако именно идеология выставлялась франкистской пропагандой в качестве оправдания пребывания «голубой дивизии» на Восточном фронте.

Методология исследования

В настоящей статье анализируются суждения о революции в России и о советском режиме испанских общественно-политических деятелей,

оказавших влияние на идеологическое оформление «Испанской фаланги традиционалистов и хунт национал-синдикалистского наступления» (*Falange Española Tradicionalista y de las Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista*), которую в более краткой форме называли «Национальным движением» (*Movimiento Nacional*). «Национальное движение» было образовано по приказу Ф. Франко 19 апреля 1937 г. и объединило все правые политические партии на территории, контролировавшейся националистами. Употребление термина «правые» по отношению к изучаемым персоналиям во многих отношениях условно; идеология некоторых политических деятелей, суждения которых анализируются, не вписывается в традиционную дихотомию *левые / правые*. Например, Хосе Антонио Примо де Ривера (далее – Хосе Антонио²) – лидер фалангистов, ставших одной из ведущих сил в «Национальном движении» – противопоставлял себя и правым, и левым [12, р. 132–146]; философ М. де Унамуну, поддержавший восстание 1936 г.³, не может быть определен как представитель правой идеологии. Кроме того, как отмечает С.В. Протасенко, в советской историографии сторонников франкистов часто называли «фашистами», что, конечно, далеко от действительности: «Против правительства Народного фронта в июле 1936 г. выступила широкая коалиция правых сил, из которых только Фаланга, и то с определенными оговорками, может быть рассматриваема как фашистское движение. Остальные же участники этой коалиции: монархисты-карлисты, монархисты-альфонсисты, сторонники партии СЭДА, члены различных католических организаций и пр. – фашистами не были» [1, с. 165]. Использование термина «консерваторы» применительно к изучаемым персоналиям также некорректно, потому что фалангистов Хосе Антонио и Х.М. Фонтану нельзя назвать консерваторами; взгляды писателя и публициста П. Барохи (в том числе и его точка зрения на события гражданской войны в Испании) эволюционировали на протяжении всей жизни, и только на некоторых этапах творчества их можно охарактеризовать как консервативные. Таким образом, использование терминов «фашисты» и «консерваторы» в данной статье представляется некорректным; вместо этого применительно к изучаемым персоналиям с определенной долей условности будет применяться определение «правые», а в качестве объеди-

2. В испанской историографии и публицистике Хосе Антонио Примо де Ривера часто фигурирует как Хосе Антонио. Употребление только имени политика служит для того, чтобы отличать лидера фалангистов от его знаменитого отца – Мигеля Примо де Риверы, диктатора Испании в 1923–1930 гг.

3. Несмотря на конфликт между М. де Унамуну и генералом М. Астраем во время широко известного инцидента в Саламанке 12 октября 1936 г., философ в целом негативно оценивал политику испанских республиканцев и до своей смерти 31 декабря того же года сочувствовал франкистам.

няющего признака упоминаемых общественно-политических деятелей будет рассматриваться их неприятие леворадикальной идеологии «Народного фронта» и поддержка (более или менее активная) франкистов в гражданской войне в Испании.

В настоящем исследовании изучаются высказывания о революции в России следующих представителей испанских правых: Рамиро де Маэсту, Хосе Антонио Примо де Риверы (Хосе Антонио), Хосе Марии Фонтаны, Мигеля де Унамуно и Пио Барохи. Их отношение к революции 1917 г. и к советскому строю анализируется на основании следующих текстов: (1) статья «Испанидад и дух» [10] (Р. де Маэсту); (2) статьи «Испания в дрейфе», «Большевизм», «Листы Фаланги»; интервью «Испанская молодежь»; выступление 14 августа 1934 г. в Сантандере; записка, написанная в тюрьме 14 марта 1936 г. [13; 14; 15; 16; 17; 18] (Хосе Антонио); (3) воспоминания «Каталонцы в испанской войне» [7] (Х.М. Фонтана); (4) статья «О жанре романов» [19] (М. де Унамуно); (5) книга «Интуиция и стиль» [6] (П. Бароха). Во всех вышеперечисленных текстах авторы обращаются к теме революции в России, в первую очередь сравнивая ее с общественно-политическими процессами в Испании.

Испанские правые о революции

Представляется уместным начать рассмотрение отношения испанских правых к революции в России со статьи политика, дипломата и философа Р. де Маэсту «Испанидад и дух». Р. де Маэсту не дожил до конца гражданской войны: 29 октября 1936 г. он был без суда расстрелян республиканцами, однако его идеи оказали значительное влияние на формирование идеологии франкистов (и в определенной степени продолжают влиять на современную внешнюю политику Испании). Статья, опубликованная философом в журнале «*Acción española*» за несколько месяцев до гибели, посвящена духовному состоянию современной ему Испании, которую автор сопоставляет с Россией в революционные годы.

В качестве главных причин революции 1917 г. Р. де Маэсту отметил отсутствие сильного среднего класса в Российской империи и культурный разрыв между интеллигенцией и народом. Русская интеллигенция («*intelligentsia*» в кавычках в оригинале) оказалась искусственной промежуточной прослойкой между царем и дворянством, с одной стороны, и остальным народом – с другой⁴; интеллигенция не смогла выполнять роль полноценного среднего класса. Р. де Маэсту замечает, что «случившееся в России не могло застать врасплох тех, кто хорошо знаком с литературой. Каждый,

4. Ср. с идеей Николая II о «средостении» между ним и простым народом [4, с. 152].

кто читал “Бесов” Достоевского, знает, что революционный процесс был предсказан гениальным писателем» [10]. Оценивая последствия революции, Р. де Маэсту усматривает определенную связь между большевизмом и традиционной русской культурой. «Великая Россия воспринимала саму себя как искупительницу всего мира. Именно в этом чувстве коренится эмоциональная сила большевизма... Русские коммунисты преобразовали относительные социальные ценности в ценности абсолютные» [там же], – писал де Маэсту. При этом, рассуждая о связи между идеологией советского режима и религиозной культурой, философ не пытается представить большевиков как ревнителей православия. Речь идет о подмене понятий традиционной культуры: «В отсутствие Бога они (большевики. – *А. Т.*) поклоняются пятилетнему плану, однако делают это так, словно бы этот план и был Богом» [там же]. Возможное спасение России де Маэсту видит в интеллигенции, сыгравшей, по его мнению, столь негативную роль в развитии революционных процессов в Российской империи. «Достоевский заблуждался в одном. Он думал, как и Бердяев, что, хотя русская интеллигенция и была развращена социализмом и атеизмом, народ оставался верен Божьей Правде. В этом Пророк ошибался. Русский народ, святой *tujíc*, предал Христианство; но, напротив, многие интеллектуалы обращают свои взоры к Кресту» [там же], – подводит итог Р. де Маэсту.

Теоретические рассуждения Р. де Маэсту были предназначены для узкого круга испанских интеллектуалов, читавших русскую литературу и интересовавшихся историей России. В то же время тексты другого крупного представителя испанских правых, Хосе Антонио, были рассчитаны на широкие слои населения. Сторонник «диалектики кулаков и пистолетов» («*dialéctica de los puños y las pistolas*»), лидер испанской Фаланги и один из «идолов» франкистского режима после войны, Хосе Антонио был расстрелян республиканцами 20 ноября 1936 г. в возрасте 33 лет. За свою жизнь он не успел оставить крупных трудов, поэтому о его отношении к революции 1917 г. и к советскому строю можно судить только на основании коротких публицистических статей, интервью, писем и текстов выступлений на митингах и в парламенте.

Может сложиться впечатление, что все те негативные аспекты советского режима, на которые указывает Хосе Антонио, с его точки зрения, являются свойственными самой русской культуре. Например, в 1934 г. он писал, что «в их руках (марксистов. – *А. Т.*) Власть станет дьявольским отображением русской тирании. Без Бога, без Родины, без стыда, без семьи, без индивидуального творчества в искусстве. Как в России» [15]. При этом слова «русский» и «большевик» у Хосе Антонио иногда теряют свой изначальный смысл и приобретают новое значение. В статье «Большевизм», опубликованной в газете «АВС», автор определяет данное явление как «материалистическое восприятие мира», которое «может потерпеть неудачу в коллективиза-

ции крестьян, но не остановится в том, что имеет для него первостепенное значение: в искоренении в народе религиозных чувств» [16, р. 23]. Любопытным является вывод о том, как можно прийти к «большевизму». По мнению Хосе Антонио, путь к этому мировосприятию лежит через «исключительно экономическую интерпретацию истории» [там же].

Несмотря на частое употребление слова «русский» как синонима к «большевик», Хосе Антонио различал эти понятия. В фалангистском журнале «*Argiba*» он писал: «Не надо прятать голову в песок и говорить: “Ба, здесь не может укорениться коммунизм, мы ведь такие индивидуалисты”. Бессмысленная уловка. Русские – тоже индивидуалисты. Русским не нравится коммунизм, но коммунисты – не забывают этого – придя к власти, удерживаются наверху не за счет поддержки народа, но благодаря силе и репрессиям» [17]. Далее автор подчеркивает роль лояльной советскому правительству армии как фактора, помогающего сохраняться коммунистической партии, которая «с двумя миллионами членов удерживается у власти... и не колеблется в применении самых жестоких мер: за десять лет большевистская власть расстреляла почти два миллиона человек» [там же]. Хосе Антонио был противником как социализма, так и либерализма (и в экономическом, и в идеологическом плане) и считал, что оба эти феномена политической жизни были тесно связаны между собой: «Социализм – это ожесточенная борьба между классами, реакция рабочих масс на экономический либерализм. Социализм связан с идеей разъединения: класс против класса, что приводит к потере восприятия Родины как трансцендентального понятия, стоящего выше индивидуальных или общих судеб» [13].

Торжество идей социализма в России пугало Хосе Антонио, который видел в существовании Советского Союза угрозу для западноевропейской цивилизации. «Либо побеждает духовное, западное, христианское и испанское восприятие бытия <...> либо побеждает русское материалистическое восприятие», – писал лидер фалангистов уже в тюрьме в 1936 г. [18]. Это материалистическое восприятие бытия могло быть принесено на Запад, по мнению политика, военным путем: «Россия со своими 4 миллионами солдат находится достаточно близко, чтобы пройти через Германию и достигнуть западной цивилизации» [14].

Многие из положений Хосе Антонио основаны на слабом знании русской истории и культуры и являются дискуссионными. Тем не менее важно отметить, что, несмотря на то что в ряде текстов политик смешивал понятия «коммунизм» и «Россия», у Хосе Антонио было понимание того факта, что советский режим не является безальтернативным путем развития России и что далеко не все русские сочувствуют марксистско-ленинской идеологии.

В то время как Хосе Антонио рассуждал о революции только теоретически (он не мог полноценно оценить революционный процесс в Испании

в 1936 г., потому что находился уже в тюрьме), один из его сподвижников, Х.М. Фонтана, наблюдал попытки перенесения советской идеологии на испанскую почву. Политик, ставший членом Совета «Национального движения» (*Consejo Nacional de FET y de las JONS*), в своей книге «Каталонцы в испанской войне», основанной в первую очередь на воспоминаниях автора, рассказывает о жизни Барселоны во время гражданской войны. Происходящее в столице Каталонии ужасает фалангиста, который видит в навязывании коммунизма ломку традиционного для своей страны уклада. Х.М. Фонтана, категорически не принимающий советской идеологии, пишет о ее простоте и примитивности: «Будучи знаком с глубокой теоретической, литературной и даже философской составляющей Фаланги, я впал в ступор перед абсолютной внутренней пустотой красной Революции»⁵ [7, р. 93]. Влияние революции в Испании отмечалась Х.М. Фонтаной не только в пропаганде, но и в бытовых деталях. Например, в 1936 г. заметно изменилась одежда людей на улицах Барселоны: «Исчезли галстуки, шляпы и чулки... Из страха или из желания быть, как все, люди стали одеваться, имитируя русскую моду. Комбинезоны, кожаные куртки... балаклавы и пилотки доминировали среди предметов гардероба» [7, р. 191]. Желание республиканцев заимствовать все советское выражалось не только в одежде, но и во многих других сферах. Х.М. Фонтана пишет, что «даже типографии стали использовать шрифты, которые делали испанские символы похожими на буквы русского алфавита» [7, р. 192]. Естественно, что помимо вышеперечисленных мелочей советская пропаганда проявлялась в открытую, с активным использованием визуальных средств воздействия. Повсюду висели «большие портреты красных царей», замечает Х.М. Фонтана и рассказывает случай, характеризующий отношение барселонских сторонников националистов к красной пропаганде: «В отеле “Колумб” повесили три больших портрета, которые представляли, соответственно, лысого Ленина, усатого Сталина и обросшего Маркса. Публика придумала объяснение, что это была реклама средства для роста волос, показывающая человека до, в течение и после курса лечения» [7, р. 200].

Наблюдая жизнь в красной Барселоне, Х.М. Фонтана изучает опыт революции 1917 г. в России и пытается прогнозировать дальнейшее развитие событий в Испании в случае победы республиканцев. Он вспоминает, что политика большевиков по отношению к крестьянам строилась следующим образом: сначала советская власть «использовала их (крестьян. – А. Т.) силу,

5. Любопытно, что придерживающийся диаметрально противоположных политических взглядов И.Г. Эренбург в «Испанских репортажах» аналогичным образом оценивал идеологию националистов и их германских союзников: «Его научили стрелять; думать его не научили... он спокойно уничтожал испанцев, не подумав даже, в чем они провинились перед его непогрешимым фюрером» [5, с. 138–139].

подняв против хозяйской собственности, потом выжала их, а затем направила пулеметы против тех, кто не хотел покоряться рабству *колхозов*» [7, р. 109]. Аналогичная судьба ждала, по мнению автора, и испанских крестьян.

Фалангистов Хосе Антонио и Х.М. Фонтану интересовали главным образом политические последствия революции. Для писателей и ученых наибольший интерес представляло изучение влияния революционных изменений на душу человека. Крупнейший испанский философ XX в., ректор университета Саламанки М. де Унамуну часто обращался к теме России и русской культуры в своей публицистике, а произведения русской литературы и книги о России занимали важное место в его личной библиотеке [9, р. 14]. Естественно, такое масштабное событие, как революция 1917 г., не осталось без его внимания. Восприятие М. де Унамуну революции строилось на том аспекте русской культуры, который был знаком ему лучше всего – на литературе. Философ объяснял 1917 год через романы Достоевского: «Русский роман – это не жанр и это не литература. Это не художественный вымысел. Русский роман – это творение, материальная сущность. И это история, прожитая история, а не просто рассказанная. И, как и любая прожитая история, русский роман – это пророчество. Контрреволюционер Достоевский стал пророком нынешней русской революции и отцом Ленина. Ленин вышел из романов Достоевского, а его внутренний мир такой же, как у агонистов этих романов» [19, р. 442–443]. Таким образом, революция в России стала, по мнению М. де Унамуну, слиянием реальности и литературы.

Появление «литературных героев» на российском политическом Олимпе было всего лишь метафорой, никак не означавшей, что русская литература после революции 1917 г. получит новый импульс в своем развитии. Писатель П. Бароха в качестве одного из последствий революции называл упадок литературы: «Какое необыкновенное цветение писателей было в России на протяжении последних 50 лет XIX века! А после установления коммунизма – уже 30 лет как ничего. В фашистской Италии, в гитлеровской Германии – также ничего» [6, р. 88]. Это суждение коррелирует со словами Х.М. Фонтаны о «пустоте революции». При этом для выражения своего отношения к политическим деятелям Советского Союза П. Бароха, как и М. де Унамуну, использует литературные сравнения: «Конечно, господин Молотов никакой не Макиавелли. Он больше похож на одного из этих неуклюжих управленцев, которых Достоевский так великолепно изображает в некоторых своих произведениях, например, в Степанчикове» [6, р. 50]. Сложно сказать, кого именно из героев повести «Село Степанчиково и его обитатели» испанский писатель сравнивал с В.М. Молотовым; возможно, П. Бароха имел в виду другое

произведение, название которого перепутал. Однако несомненной остается тенденция объяснять реалии жизни в России через русскую литературу⁶.

Заключение

Проанализировав высказывания пяти представителей испанских правых 30-х годов XX в., можно сделать несколько выводов. Все упомянутые в статье персоналии негативно оценивали последствия революции 1917 г. для России и опасались распространения леворадикальной идеологии в своей стране. При этом их знания о России, русской культуре и советском режиме часто были отрывочными и неточными, а рассуждения о революции 1917 г. строились на литературных произведениях, слухах или на словах и действиях испанских левых. Тем не менее изучение восприятия революции в России рассматриваемыми деятелями дает нам возможность взглянуть на события 1917 г. через призму испанской культуры.

В дискурсе испанских правых понятия «русский» и «коммунист» часто употреблялись как синонимы. Без сомнения, вследствие использования данной терминологии любой русский воспринимался рядовыми бойцами армии националистов как большевик. Это могло стать одной из причин настороженного отношения франкистов к русским белым добровольцам. С другой стороны, более глубокий анализ источников показывает, что испанские правые понимали, что революция 1917 г. стала для России серьезным испытанием и что далеко не все русские сочувствовали советской власти. Изученные авторы не предлагали путей выхода из духовно-нравственного и политического кризиса, в котором оказалась Россия после 1917 г.; единственным исключением является Р. де Маэсту, надеявшийся на то, что ключевым фактором в грядущем возрождении России станет русская интеллигенция.

Библиография

1. Протасенко С.В. Правый радикализм в современной Испании // Вестник МГИМО – Университета. 2011. № 5. С. 165–173.
2. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Издательская и рекламная информационная фирма «Феникс» ГАСК СК СССР, 1991. 512 с.
3. Терещук А.А., Вершинин К.В., Игнашов Ю.А. Сравнительный анализ советских и испанских республиканских песен на тему гражданской войны в Испании (1936–1939) // Древняя и Новая Романия (в печати).
4. Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. В 2 т. СПб.: Вита Нова, 2009. Т. 1. 464 с.

6. Ср. с мыслью И.Л. Солоневича о том, что на Западе Россию изучали исключительно по литературным произведениям, что привело к формированию совершенно неверных представлений о нашей стране [2, с. 193–195].

5. Эренбург И.Г. Испанские репортажи 1931–1939. М.: АПН, 1986. 398 с.
6. Baroja P. La intuición y el estilo. Madrid: Caro Raggio, 1983. 370 p.
7. Fontana J.M. Los catalanes en la Guerra de España. Madrid: Samaran, 1951.
8. Jackson G. Spanish Republic and the Civil War, 1931–1939. Princeton: Princeton University Press, 1972. 600 p.
9. Korkonosenko K. Miguél de Unamuno, «un extraño rusófilo» // Cuadernos de la cátedra Miguel de Unamuno. Salamanca, 2000. N 35. P. 13–25.
10. Maeztu R. de La Hispanidad y el espíritu (Acción española. Madrid, 1936. XVI. N 83. P. 144–168) // Filosofía en español [Электронный ресурс]. URL: <http://www.filosofia.org/hem/193/acc/e83144.htm> (Дата обращения: 11.08.2017.)
11. Моа Р. Años de hierro. España en la posguerra 1939–1945. Madrid: La Esfera de los Libros, 2008. 923 p.
12. Моа Р. Los mitos de la Guerra civil. Madrid: La Esfera de los Libros, 2014. 621 p.
13. Primo de Rivera J.A. Juventud española. Entrevista (La Noticia. San Sebastián, 1933) // ОСЈА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc2056.html> (Дата обращения: 28.11.2017.)
14. Primo de Rivera J.A. Conferencia pronunciada en Santander, en el Ateneo, el miércoles 14 de agosto de 1934 (El Diario montañés. Santander, 1934) // ОСЈА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc2103.html> (Дата обращения: 28.11.2017.)
15. Primo de Rivera J.A. España a la deriva // Falange Española. Madrid, 1934. N 13. URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0060> (Дата обращения: 27.11.2017.)
16. Primo de Rivera J.A. El bolcheviquismo // ABC. Madrid, 1935. 31 de julio. P. 23.
17. Primo de Rivera J.A. Hojas de la Falange (Arriba. Madrid, 1935. N 22) // ОСЈА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0153> (Дата обращения: 27.11.2017.)
18. Primo de Rivera J.A. Hoja escrita por José Antonio en los sótanos de la Dirección General de Seguridad el 14 de marzo de 1936 // ОСЈА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0186.html> (Дата обращения: 28.11.2017.)
19. Unamuno M. de De esto y de aquello. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1953. T. 3. 617 p.

References

- Protasenko S.V. Pravyj radikalizm v sovremennoj Ispanii // Vestnik MGIMO – Universiteta. 2011. N 5. P. 165–173.
- Solonevich I.L. Narodnaja monarhija. Moscow: Izdatel'skaja i reklamno-informacionnaja firma «Feniks» GASK SK SSSR, 1991. 512 p.
- Tereshhuk A.A., Vershinin K.V., Ignashov Ju.A. Sravnitel'nyj analiz sovetskih i ispanskih respublikanskih pesen na temu Grazhdanskoj vojny v Ispanii (1936–1939) // Drevnjaja i Novaja Romanija (v pechati).
- Firsov S.L. Nikolaj II: Plennik samodержavija. V 2 t. Saint-Petersburg: Vita Nova, 2009. T. 1. 464 p.
- Jerenburg I.G. Ispanskie reportazhi 1931–1939. Moscow: APN, 1986. 398 p.
- Baroja P. La intuición y el estilo. Madrid: Caro Raggio, 1983. 370 p.
- Fontana J.M. Los catalanes en la Guerra de España. Madrid: Samaran, 1951.
- Jackson G. Spanish Republic and the Civil War, 1931–1939. Princeton: Princeton University Press, 1972. 600 p.
- Korkonosenko K. Miguél de Unamuno, «un extraño rusófilo» // Cuadernos de la cátedra Miguel de Unamuno. Salamanca, 2000. N 35. P. 13–25.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Maeztu R. de La Hispanidad y el espíritu (Acción española. Madrid, 1936. XVI. N 83. P. 144–168) // Filosofía en español [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.filosofia.org/hem/193/acc/e83144.htm> (Data obrashhenija: 11.08.2017.)

Moa P. Años de hierro. España en la posguerra 1939–1945. Madrid: La Esfera de los Libros, 2008. 923 p.

Moa P. Los mitos de la Guerra civil. Madrid: La Esfera de los Libros, 2014. 621 p.

Primo de Rivera J.A. Juventud española. Entrevista (La Noticia. San Sebastián, 1933) // OCJA [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc2056.html> (Data obrashhenija: 28.11.2017.)

Primo de Rivera J.A. Conferencia pronunciada en Santander, en el Ateneo, el miércoles 14 de agosto de 1934 (El Diario montañés. Santander, 1934) // OCJA [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc2103.html> (Data obrashhenija: 28.11.2017.)

Primo de Rivera J.A. España a la deriva // Falange Española. Madrid, 1934. N 13. URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0060> (Data obrashhenija: 27.11.2017.)

Primo de Rivera J.A. El bolcheviquismo // ABC. Madrid, 1935. 31 de julio. P. 23.

Primo de Rivera J.A. Hojas de la Falange (Arriba. Madrid, 1935. N 22) // OCJA [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0153> (Data obrashhenija: 27.11.2017.)

Primo de Rivera J.A. Hoja escrita por José Antonio en los sótanos de la Dirección General de Seguridad el 14 de marzo de 1936 // OCJA [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.rumbos.net/ocja/jaoc0186.html> (Data obrashhenija: 28.11.2017.)

Unamuno M. de De esto y de aquello. Buenos Aires: Editorial Sudamericana, 1953. T. 3. 617 p.